

ВЧЕРА ЗАВЕРШИЛИСЬ ДНИ ТЕЛЬ-АВИВА В ПЕТЕРБУРГЕ, ВКЛЮЧАВШИЕ ОБШИРНУЮ КУЛЬТУРНУЮ ПРОГРАММУ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОБЕСЕДОВАЛ С ИЗВЕСТНЫМ ИЗРАИЛЬСКИМ КОМПОЗИТОРОМ И МУЗЫКАНТОМ

Идан Райхель похож на человека из другого мира. На голове у него торчат во все стороны длинные мохнатые дреды. Это ведь признак религии растафари, так? Но при этом вокруг дредов намотан огромный тюрбан — это уже, кажется, что-то мусульманское или индийское... А если при этом учесть, что прославился Райхель своим этнороком, который совмещает и эфиопский, и йеменский, и арабский, и индийский стили, то становится ясно: для этого человека границы между народами и государствами куда менее ощутимы. Это подтверждает и его биография: Райхель трудился над своей музыкой вместе с эмигрантами из самых разных стран. Начинать они свой проект в самодельной звукозаписывающей студии в подвале дома родителей Райхеля в городке Кфар-Саба.

Может быть, благодаря вот этому всеприманию он и смог понравиться всем: Идан Райхель считается самым популярным израильским музыкантом на мировой сцене. Его хитовый диск «Idan Raichel Project», в создании которого приняли участие более тридцати музыкантов из стран Ближнего Востока, отметили в Израиле премией как лучший альбом года. Он трижды получил платиновый статус.

Идан РАЙХЕЛЬ:

Я как шеф-повар — готовлю новый музыкальный салат

САМ-ТО Я ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ РУССКИЙ

— Нет, это к растафари не имеет отношения, это просто модная штука, — отвечает мне Райхель про свои дреды. — Я вообще много беру у эмигрантов, от их родных культур. Что-то у меня позаимствовано у арабов, от марокканцев, эфиопов. Такая смесь. Просто я думаю, что и сам Израиль — это смесь разных культурных влияний. Так что, получается, я вполне в русле современной израильской традиции. Ну, а сам я по происхождению русский.

— Так расскажите, какие у вас русские корни.

— Мои бабушка и два дедушки — из Москвы. Они эмигрировали из России еще до войны. Одного из дедушек звали Аврам Райхель. Из России он привез в Израиль свое радостное восприятие жизни, любовь к вкусной еде и хорошему алкоголю. Я очень горжусь его поступком. Израиль ведь в то время был по большей части пустыней. Бросить комфортную жизнь в Москве и уехать... Уверовать, что можно построить тут дом, создать новую страну, — для этого нужно было быть великим мечтателем. При этом я уверен, что мои бабушка и дедушки все еще воспринимали себя как русских. Всегда должно смутиться поколение или два, чтобы тот, кто был эмигрантом, влился в этот плавильный котел — Израиль.

— А вы?

— Я уже израильтянин. Но я помню про свои корни.

— Хотели бы выучить русский?

— Я бы хотел, но мне очень плохо даются языки. Поэтому в группе я пою на иврите, а другие музыканты — на самых разных языках.

— Вы пытаетесь воспроизвести в своей музыке то, чем стал Израиль, — тоже сделать ее таким плавильным котлом для разных культур?

— Именно так.

«ЧТО ЭТО ТЫ МОИ ПОМИДОРЫ РЕЖЕШЬ?»

— В России имеются те же проблемы: отношения с мигрантами, этнические конфликты...

— Если у вас есть проблема с мигрантами — воспринимайте это как комплимент вашей стране. Это значит, что в ней многим хочется жить.

— Вы используете эфиопскую музыку, у вас певцы поют на амхарском языке. А эфиопские эмигранты в Израиле — живут ли они в каких-то гетто?

— Нет. В чем прелесть Израиля — в любом квартале у вас найдутся соседи из России, из Эфиопии, будут и коренные израильтяне... Это специфика именно нашей страны.

— Просто я, когда был в Тель-Авиве, случайно зашел в эфиопское кафе — и посетители, и хозяева как-то странно на меня стали смотреть, как будто им мое появление не понравилось.

— Может, дело было в вас?

— Ну, а как эфиопы к вам относятся? К тому, что вы берете что-то от их культуры? Они не против?

— Я не верю, что человек появляется на свет с врожденным чувством ненависти к другому. Кто-то его этой ненависти учит. И значит, можно научить его и чему-то иному.

— А кто в ответе? Политики?

— Думаю, что сам народ в ответе за свой выбор.

— Я выпитываю не только эфиопскую музыку — еще и музыку еврейских ортодоксов, и йеменские песни, а вслед за тем создаю из них что-то иное. Получается новый израильский звук. Можно сравнить эту деятельность, как ни смешно звучит, с работой шеф-повара. Вы берете помидоры, огурцы и стругаете из них салат. Фермер, который их сажал, не скажет же: «Что это ты мои помидоры режешь?» Растить овощи — его ремесло. Мое — создавать из них нечто новое.

— Я слышал, что вашей попытке культурного синтеза далеко не все симпатизируют.

— Ну, если вы ортодоксальный иудей и вдруг слышите по радио традиционную молитву посреди музыкального эфира — вы, может быть, решите, что это не слишком благочестиво. А я думаю наоборот. И мало того — людям, чуждым ортодоксального иудаизма, такая акция помогает увидеть красоту этой культуры.

— А вы сами как относитесь к иудаизму? Я знаю, что у вас есть композиция, основанная на библейской Песни Песней...

— Я секулярный еврей — вернее, мой иудаизм обновлен до образца 2013 года. Он достаточно продвинутой. По-моему, есть гораздо более важные штуки, чем одеваться сплошь в черное — «весь из себя такой ортодоксальный».

НАДО, ЧТОБЫ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ЗАХОТЕЛИ ПЕРЕСЕЧЬ ГРАНИЦУ

— Я знаю, что вы начинали свою музыкальную карьеру, служа в армии.

— Да, я отслужил три года, как положено. И у нас была армейская группа, мы ездили с гастролями по разным военным базам.

— Так это больше был музыкальный или военный период?

— Нет, это была настоящая военная служба, я выполнял свои обязанности солдата. Участвовал в большой военной операции. Ну, правда, это тоже было связано с музыкой — мы развлекали бойцов во время отдыха. Но это ведь тоже работа. Есть в армии повара и другой обслуживающий персонал, были и мы.

— Как вы вообще относитесь к этим сложным отношениям между Израилем и Палестиной?

— Израиль сейчас стремится не к

миру, а просто к прекращению военных действий. Но чтобы создать настоящий мир, нужно, чтобы израильская молодежь узнала про существование палестинского искусства, про кино Египта. И чтобы сирийские дети узнали про израильский театр. Вот когда молодые люди захотят пересечь границу, чтобы встретиться со своими сверстниками, а не просто жить в обстановке шаткого перемирия, — эти отношения смогут создать настоящий мир. Я, конечно, счастлив, что в последние два-три года началась «арабская весна», что люди в разных странах борются за свою свободу — в Тунисе, в Египте, в Сирии. Зачастую люди там даже не знают точно, чего они хотят, — зато они прекрасно знают, чего они не хотят.

КАЛИНКА МОЯ

— Вы впервые в России?

— До этого я дважды приезжал сыграть концерты в Москве.

— Значит, в Петербурге впервые? Тогда традиционный вопрос: как он вам?

— Очень красивый город. Я уже успел попросить генерального консула о возможности побыть тут после концерта еще три-четыре дня, чтобы осмотреть Петербург. (Идан выступал на открытии Дней Тель-Авива. — Прим. ред.)

— А как вам люди? Вы не боитесь проявлений антисемитизма, которые у нас, к сожалению, случаются?

— Не боюсь. Буду рад встретиться с такими людьми. Я на них за это не злюсь. По-моему, этим людям просто надо показать другой путь. Научить их чему-то.

— Вы что-нибудь из русской музыки знаете?

— Только песни Красной армии, от моих дедушек с бабушками. (Заневаем) «Ка-лин-ка, ка-лин-ка моя...»